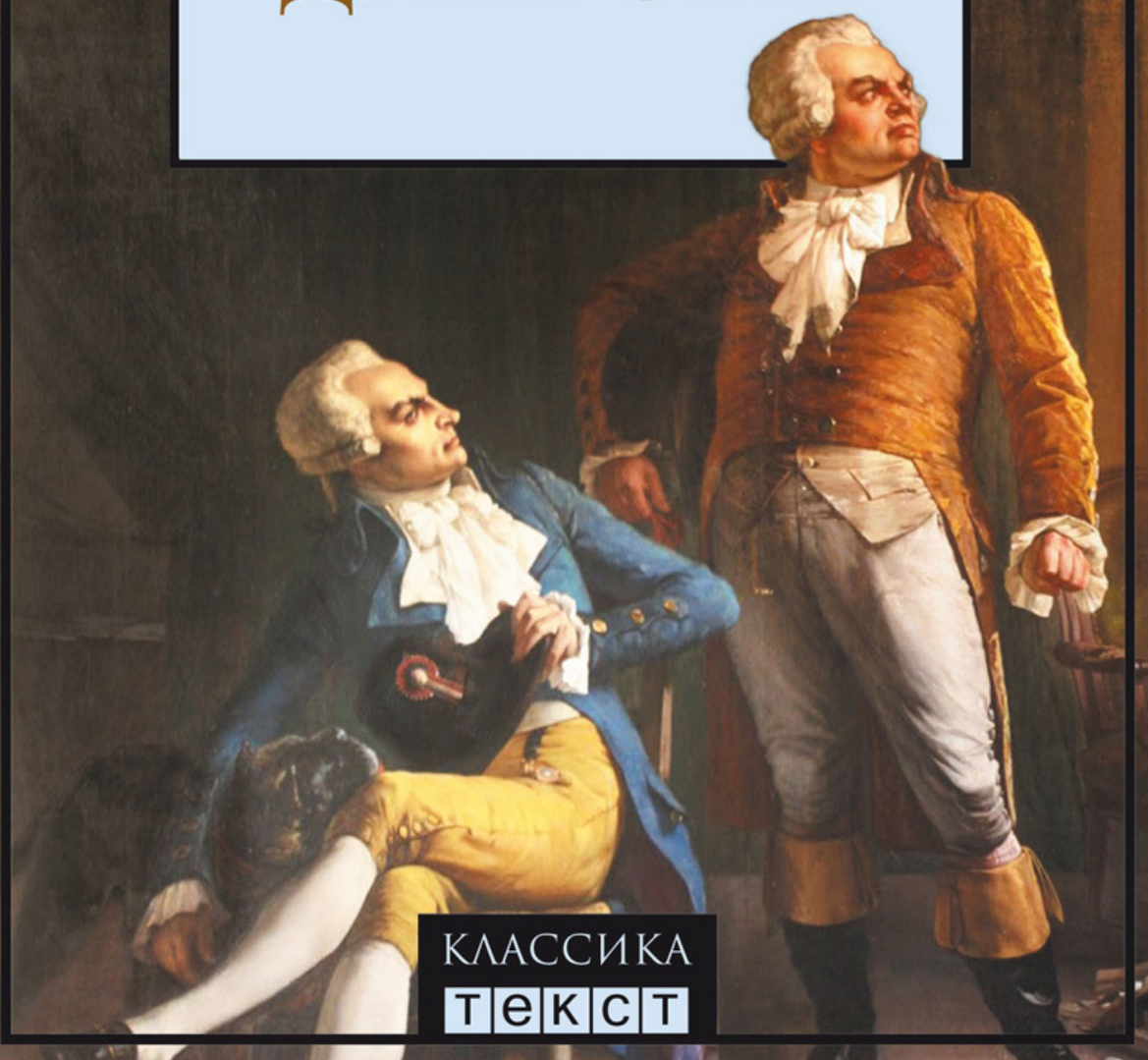

СТАНИСЛАВА
ПШИБЫШЕВСКАЯ

ДЕЛО
ДАНТОНА

КЛАССИКА
ТЕКСТ

Классика

Станислава Пшибышевская

**Дело Дантона.
Сценическая хроника.**

«WebKniga»

1929

УДК 821.162.1-2
ББК 84(4Пол)-6

Пшибышевская С.

Дело Дантона. Сценическая хроника. /
С. Пшибышевская — «WebKniga», 1929 — (Классика)

ISBN 978-5-75-161404-1

«Дело Дантона» (1929) — вершина творчества Пшибышевской, главная часть своеобразной драматической «революционной трилогии», куда также входят одноактный «Девяносто третий год» и неоконченный «Термидор». В центре этой драмы — противостояние двух исключительных личностей: неподкупного Робеспьера и продажного Дантона. В первом Пшибышевская видела почти идеальное воплощение своей концепции гения, во втором — гения-отступника, который служению идее предпочел личную выгоду. Опираясь на результаты обширных исторических изысканий, Пшибышевская предлагает блестящий анализ механизмов революции и политической власти. При жизни автора пьеса ставилась дважды. Возрождению интереса к ней во многом способствовал Анджей Вайда, который в 1975 г. поставил «Дело Дантона» на сцене, а в 1983 г. выпустил фильм «Дантон», снятый по мотивам пьесы.

УДК 821.162.1-2
ББК 84(4Пол)-6

ISBN 978-5-75-161404-1

© Пшибышевская С., 1929

© WebKniga, 1929

Содержание

ДЕЙСТВИЕ I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Станислава Пшибышевская. Дело Дантона. Сценическая хроника

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА 1

Улица перед лавкой булочника. На углу яркий плакат. Утренние сумерки. Каменщик, мужчина за сорок, стоит у самого входа; Шпик, мужчина неопределенного возраста, прогуливается перед дверями без видимой цели.

ШПИК (*безо всякой необходимости шепотом*). Видали, гражданин... плакат?

КАМЕНЩИК (*громко, с неохотой*). Какой еще плакат?

ШПИК. А там, на углу... Снова в ночи налепили, черт их дер!

КАМЕНЩИК. И пусть себе... мало ли их повешали с Нового года? Эка невидаль.

ШПИК. Но, гражданин, это ж *они*... Это Верховный Судья!

КАМЕНЩИК. Верховный Судья! Да вот уж неделя, как от Верховного Судьи только дымок остался. То-то они целовали друг дружку.

ШПИК. А он опять тут как тут! Смотри, гражданин: Верховный Судья тебе не абы кто! (*Еще тише.*) Вам вот заливают, что это-де не кто иной, как Паш...¹ Добрейший Паш! Молокосос Паш! А я вам говорю, пусть...

КАМЕНЩИК. Заткнешься ты уже со своим Верховным Судьей? Мне-то что за дело, Паш там или не Паш выставляется дураком набитым?

ШПИК. Да не сердитесь вы так с утра порань...

КАМЕНЩИК (*догадавшись*). Проваливай!

Шпик сдается. Отходит и начинает увиваться вокруг вновь прибывших: Мадлен, женщина лет тридцати, и Сюзон, девушка пятнадцати лет.

СЮЗОН (*останавливается под плакатом*). О-о, Мадлен! Иди-ка глянь! Опять плакат!

МАДЛЕН (*становится за Каменщиком*). Да это ж обычный...

СЮЗОН. Какой там обычный! В точности такой же, как прежде... (*Взволнованно.*) Слушай: «Граждане! Вот уже два года, как вы изнемогаете под властью Конвента, и с каждым месяцем вам все труднее добывать хлеб. Граждане! Не дайте себя провести! Помните: в лоне Конвента, на самом откосе незыблемой «Горы», притаились предатели: тигры, которые пожира...»

МАДЛЕН (*резко.*) Не читай ты этих бредней! Поди сюда, а то место твое займут.

Входят Блондин, Интеллектуал, Печатник – всем от тридцати до сорока лет. Борьба за место между Блондином и Сюзон. Девушке пришлось бы уступить, но благодаря Шпику место остается за ней.

¹ Жан-Николя Паш (1746–1823) – деятель Великой французской революции, сначала жирондист, затем якобинец. В период, когда разворачивается действие пьесы, занимал должность мэра Парижа. (*Здесь и далее – примечания переводчика.*)

ШПИК (*в наполеоновской позе*). Прошу прощения. Это место занимала дама. (*Пропускает Сюзон, которая благодарит его рассеянным кивком.*)

Одновременно.

—

БЛОНДИН. Что за?..

ШПИК. Для истинного санкюлота места, занятые дамами, неприкосновенны.

ПЕЧАТНИК. Ой... Что же тогда будет с нацией?

—

СЮЗОН (*вполголоса*). Мадлен, Мадлен, что-то будет!

МАДЛЕН (*шепотом*). Сюзон, можешь ты потише?²

—

ПЕЧАТНИК (*равнодушно*). Видали? Эбертисты опять норовят нам головы заморозить³.

КАМЕНЩИК. Эти хлыщи из военных ведомств полагают, будто нам *все еще* мало мятежей, пальбы да гильотин!

БЛОНДИН. А все полоумный Венсан⁴: у сопляка в распоряжении армия, чтобы прокормить Париж, а ему вздумалось обратить армию против Конвента! Уж не возмечтал ли он и о короне...

Входят: Молодой Инвалид, Франт, Студент и Старый Часовщик.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ (*несколько таинственно*). Так вы, стало быть, думаете, что это Венсан подкапывается под Париж вот уже три месяца? Что это Венсан замахнулся не то что на правительство, но даже и на сам Великий Комитет?⁵ Венсан?..

ФРАНТ. Ну а кто ж еще? Эбер, что ли? Ха, ха!

Смех.

БЛОНДИН. Или Паш?

Веселье усиливается.

² Здесь и далее пунктирная линия обозначает синхронность реплик, принадлежащих разным персонажам, в то время как сплошная, согласно авторскому указанию, означает не «синхронность внутри линии, а синхронность одной линии с другой».

³ Жак-Рене Эбер (1757–1794) – деятель Великой французской революции, крайне левый якобинец, пользовавшийся огромной популярностью у санкюлотов во многом благодаря своей газете «Папаша Дюшен». Выступал как против Дантона, так и против Робеспьера.

⁴ Франсуа-Николя Венсан (1767–1794) – деятель Великой французской революции, член Клуба кордельеров и фракции эбертистов. Генеральный секретарь военного министерства Паша.

⁵ Комитет общественного спасения.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Эбер и Паш – щенки, а Венсан – желторотый генералишко с птичьими мозгами.

Инвалид гневно хмурит брови.

Не такого полета должен быть тот, кто осмелится поднять руку на Комитет общественного спасения, – и это сегодня, когда Комитет этот в буквальном смысле несет на своих плечах всю страну и определяет политику всей Европы... Друзья мои, в Париже, а может статься, что и в целом свете, только один-единственный человек отважился бы на такое. И это не Венсан.

ШПИК. Единственный? Ты возбудил наше любопытство, гражданин...

Интеллектуал понимает, что это за человек, и в ужасе умолкает.

СЮЗОН (с жаром). Кто же это? Видать, этот кто-то и есть Верховный Судья, да? Кто он?

Напряженное молчание. Интеллектуал указывает глазами на Шпика.

ПЕЧАТНИК (задумчиво). Не все ли равно: Конвент заслуживает основательной чистки – пусть даже ценой мятежей. О, как далеко отошли мы от девяносто второго! Сегодняшнее правительство – сущая трясина коррупции и фальси...

Интеллектуал щиплет его, движимый любовью к ближнему. Весть о Шпике разносится при помощи знаков, в результате чего все замолкают. Чтобы отвлечь от себя внимание, Шпик приближается к Сюзон.

Одновременно.

.....

БЛОНДИН (после гнетущей тишины). Но что там с этим хлебом? Три недели все было в полном порядке, а теперь вдруг раз – и снова толпись в очередях день и ночь!

Входят через промежутки времени Пожилая дама, Домохозяйка, пять женщин и шестеро мужчин.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ (все еще бледный). Что ж, граждане, – война.

ПЕЧАТНИК. Это не война, а треклятые спекулянты! Что им полиция, что им гильотина – они бесстыжи, точно крысы.

БЛОНДИН. Они на этом здорово наживаются! Сначала на своей подлой торговле, а там Его Британская Светлость Питт платит им еще по столько же за то, что они морят революцию голодом...

ЧАСОВЩИК. Как и тем, кто заражает Конвент, а в нас губит остатки веры...

СТУДЕНТ (тихо). Знаете, что мне думается? Этот внезапный голод неслучаен. Он умышленно вызван теми, кто хочет свергнуть правительство: с этой-то целью нас и морят голодом, будто зверье для арены!

.....

Недоверие, возмущение, одобрение, все еще сдержанно и не спуская глаз с флиртующего Шпика.

.....

ШПИК. Чего грустим, гражданка? Суженый, поди, на войне?

СЮЗОН. Оставьте меня, пожалуйста.

ШПИК. Не сердчайте, барышня. Я ведь хочу вас утешить...

СЮЗОН (*кричит*). Пожалуйста, уходите!

МАДЛЕН. А ну убирайтесь!

ШПИК. Гражданка, я не с вами разговариваю, а с *молодой* барышней.

Потасовка.

КАМЕНЩИК (*получив тычок локтем от Шпика, хватает того за воротник и встряхивает*). Ах ты пес паршивый, ну-ка пошел отсюда!

.....

Немедленное одобрение со стороны остальных

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ (*возвращающемуся Шпику*). Где ваше место?

ШПИК. Всюду. Улица принадлежит всем.

ПЕЧАТНИК. Тут не разрешается болтаться вне очереди.

ШПИК (*пытаясь сохранить лицо*). А не то что? Кто же мне запретит?

ПЕЧАТНИК. Я!

Одобрение.

ФРАНТ. И мы уже позаботимся, чтобы порядок соблюдался.

Испуганный Шпик пытается протиснуться за Сюзон.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Ну уж нет! Надо было стоять тут с самого начала!

ПЕЧАТНИК (*вытаскивает его за руку к нескрываемой радости Сюзон*). Давай в самый хвост!

Шпик предпринимает еще несколько попыток, но тщетно, и в итоге встает в конец, где его едва видно; через некоторое время исчезает.

БЛОНДИН. Ну наконец-то! Однако мы все же чересчур беспечны!

Внезапно раздается колокольный звон. Наступает молчание.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Что это значит? В такой час...

МАДЛЕН (*сдавленно вскрикивает*). Бьют тревогу!

БЛОНДИН. Доброй ночи. У нас восстание.

Оцепеневших было людей охватывает все большее смятение.

.....

СЮЗОН (с нажимом). Я так и знала – сегодня что-то случится!

ЖЕНЩИНА А (кричит). Живо, домой!

.....

Замешательство. Никто не хочет оставлять своего места первым – тревога может оказаться ложной, и они лишатся хлеба. Crescendo accelerando molto⁶.

.....

МУЖЧИНА А. А как же хлеб?

ЖЕНЩИНА В. Будет новая резня! Как в сентябре!

ЖЕНЩИНА С. Теперь это банды Венсана! Будет еще хуже!

.....

Крики сливаются в хаос.

КРИКИ. Скорей! – По домам! – Вернемся! – Ставни и ворота! – Бежим! – Резня!! – А хлеб?! – Нас растопчут! – Мне нужен хлеб! – С места не двинусь! – Пусть режут, мне нужен хлеб!!

Звон смолкает; от напряжения все затаили дыхание, потом вздохи облегчения и взрыв нервного веселья.

КАМЕНЩИК (женщинам в конце очереди). Идиотки!

Женщины весело переругиваются.

СЮЗОН (со вздохом). Жалко!

ИНВАЛИД. Это новая реквизиция колоколов. Отбирают, вот и пробуют. На сей раз, говорят, будут брать и с Нотр-Дама.

ДАМА. Реквизиции, рекрутчина, холод, голод – и наши сыновья гибнут сотнями что ни день. Неужели эта война никогда не кончится?

БЛОНДИН. А вы спросите Комитет спасения, отчего они не хотят заключать мир!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Хороши бы мы были, если б заключили мир на условиях, продиктованных врагом!

СТУДЕНТ (запальчиво). По-вашему, Комитет ведет войну из спортивного интереса? Или за какой-то там клочок земли, как короли?!

ФРАНТ. Какая разница. Раньше революция была куда как веселее. А теперь стала скучной и унылой.

⁶ Нарастая, в очень ускоренном темпе (ит.).

Печатник, Студент и Часовщик негромко негодуют.

ИНВАЛИД. И то правда! В девяносто втором повеселей было! Десятого августа... Хотите верьте, хотите нет, но того единственного часа на площади Каррузель, когда мне перебили лапу, я не променял бы и на сотню здоровых рук. Война на улицах – это... это сущий рай.

Смех и негодование.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ (*дружески*). А за кого сражаться и за что – это уж вас не волнует, да?

ИНВАЛИД. Еще как волнует! Думаете, так уж весело драться из-под офицерского хлыста ради какой-нибудь семейной распри между королями, для которых мы товар подешевле лошадей? Ну уж нет, господин! Это совсем не то же самое, что *по доброй воле* строить и разрушать баррикады, сражаясь за Права Человека!

ЧАСОВЩИК. Права Человека! Четыре года назад это была вера, за которую *всякий* без раздумий отдавал жизнь и даже имущество. Меж тем четыре года минули, мы страдаем и сражаемся без продыху, но чего ни добьемся – все отбирают или разбазаривают наши представители. Правительство свободы! Вожди свободного народа! Человек, получивший власть, сей же час превращается в свинью, всегда и всюду, все равно, восседает он на троне или в Конв...

Поднявшийся было негодующий и боязливый ропот переходит в приглушенные возгласы и смолкает.

ГОЛОСА (*все беспокойно озираются, ища Шпика*). Он что, рехнулся?! – Пощадите! – Постыдились бы! – Одумайся, мил-человек! Головой ведь поплатишься!

ЧАСОВЩИК. Головой? Подумаешь, эка беда! Для человека, утратившего веру, смерть не так уж страшна!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Утешься, гражданин: революция не свернула со своего пути. Но Прав Человека не завоеешь в шесть недель – после тысячелетнего-то рабства.

СТУДЕНТ (*Часовщику*). Ваше отчаяние – это ведь дезертирство, понимаете вы это? Мы боремся всего-то четыре года и будем бороться до самой смерти. Речь не о нас, о нет! Речь о свободе человеческого прогресса – может статься, только для наших правнуков!

Шпик появляется вновь.

ДОМОХОЗЯЙКА. Вам, молодой господин, легко говорить. Если б вам надобно было кормить семью, вы бы иначе рассуждали после эдаких-то четырех лет.

СТУДЕНТ (*дружески, указывая глазами на Шпика*). Но вслух я бы рассуждать не стал, гражданин.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. А Конвентом следовало бы восхищаться, а не предъявлять к нему мелочные претензии. Что ж с того, если среди семисот депутатов найдется парочка тупиц и мерзавцев? Что они, например, такое рядом с одним Робеспьером?

Это имя производит эффект слабого электрического разряда.

ПЕЧАТНИК. Факт есть факт: стоит ему захворать, как революция замедляет свой бег и начинает спотыкаться.

СТУДЕНТ (*пылко*). Это человек исключительный. Лишь его разум способен охватить ситуацию целиком, притом под каждым углом зрения. К тому же он чист.

КАМЕНЩИК. Вот-вот. А вообще, кто умник, тот и вор...

ПЕЧАТНИК (*шепотом*). Как «Человек Десятого Августа»...⁷

Блондин негодует.

КАМЕНЩИК. ...а зачастую еще и предатель. Покамест ему одному и можно взаправду доверять.

СТУДЕНТ. Он правит лучше, чем лучший из королей. Однако о диктатуре даже не помышляет!

БЛОНДИН (*угрожающе*). Пусть только попробует! Но он свое дело уже сделал, друзья мои.

СТУДЕНТ. Ты спятил?!

ИНВАЛИД. Да, так и есть! Вот и Шометт⁸ говорит, что это человек конченный. И он совершенно прав!

БЛОНДИН. Революция давно завершена. Сейчас Республике необходимы мир и свобода, а он затягивает войну, затягивает террор, лишает народ сил и мужества...

ПЕЧАТНИК. Эге, да это выученик Дантоновой школы!

ИНВАЛИД. Тупица! Все ровно наоборот. Робеспьер годился, пока довольно было мягких средств. Но сегодня нужна *энергия*! Сегодня требуются средства радикальные, которых он боится, а не то контрреволюцией заразится вся страна, как уже заражен Конвент...

БЛОНДИН. Предпочитаю школу Дантона школе Эбера! Это вы, предатели, изводите нас голодом! Вот они, ваши радикальные средства!

Лезет в драку. Внимание отвлекает полицейский отряд с приговоренным. Конвою необходимо пройти в переулок, путь в который преграждают ожидающие в очереди. Конвой вынужден остановиться, очередь расступается с трудом, более сильные отталкивают тех, кто послабее.

(*Тихо*). Вы только посмотрите. Какой в этом смысл? И дня не проходит, чтобы они кого-нибудь не уводили. От одной мысли об этой нескончаемой публичной бойне уже тошно! Почему ваш Комитет не положит этому конец?

ФРАНТ. Эй, а это еще кто?

Жандармы не обращают на вопросы внимания.

ИНВАЛИД. Скажите-ка, кто это?

СОЛДАТ. Эмигрант, а вам-то что за дело?

ШПИК (*подходит*). Что нам за дело до спасения Отечества, да? Что нам за дело?

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Это что ж, пешком для разнообразия?

СОЛДАТ. Коли он один, так чего ж его везти? Он здоров, идти может.

⁷ То есть Дантон, получивший это прозвище в связи с участием в событиях 10 августа 1792 г., когда народ штурмом взял дворец Тюильри и сверг монархию во Франции.

⁸ Пьер Гаспар Шометт (1763–1794) – деятель Великой французской революции, видный член Парижской коммуны 1792 г. Выступал как против Робеспьера, так и против Дантона; убежденный сторонник террора. Казнен вместе с эбертистами.

ШПИК. Разумеется, в один-то конец может. А вот с обратной дорогой посложней... Что, господин граф? Обратно – пешочком?

Два-три человека смеются, но тут же умолкают, не получив поддержки.

МУЖЧИНА В. А почему бы и нет? Голову эдак под мышку – и вперед!

Конвой продвигается.

СЮЗОН (с дрожью в голосе). О Господи... такой хорошенький... бедняжка!

Добродушные смешки, но в целом настроение неприязненное. Конвой проходит.

ДАМА. О да, воистину скорбное зрелище...

СТУДЕНТ. Лучше благодарите Бога за энергичность и бдительность Комитетов! Или вы хотите, чтоб ассигнации превратились в макулатуру? Чтоб любой мог заломить тысячу ливров за вязанку дров и украсть у вас тот кусок хлеба, что вы пока еще можете достать?!

Двое вооруженных солдат Революционной Армии стучат в ставни и встают по обе стороны от выхода.

ГОЛОСА (приглушенные выражения облегчения, радости). Наконец-то! – Три часа заставили ждать! – Только бы всем досталось...

Булочник открывает лавку. Вопль радости. Заходит Каменщик.

СЮЗОН (своей спутнице, тихо). Кто они такие?

МАДЛЕН. Ты, поди, никогда в очередях не стояла? Революционная армия. Солдаты Венсана.

СЮЗОН. А нам они зачем?

БЛОНДИН. Поддерживать порядок. Вот увидите, как они этот порядок поддерживают.

Каменщик возвращается, заходит Мадлен. Каменщика останавливают, цепляются за него.

ГОЛОСА. Сколько там еще? – Сколько буханок? – Сколько у него там? – Всем хватит? – Хватит?

КАМЕНЩИК (высвобождается). А я почем знаю? Я не считал!

Уходит. Толпа возбуждена.

ЖЕНЩИНА А (впологолоса). Значит, мало!

Беспокойный ропот. Атмосфера накаляется.

МАДЛЕН (выбегает; обращается к Сюзон, шепотом). Поторопись – только семь штук!

Уходит. Подслушанная новость молниеносно распространяется по очереди шепотом, который сразу же переходит в крики.

ГОЛОСА. Семь штук – семь буханок – как, опять? – Скорее! – Мне! – Мне надо сегодня!!

Прежде чем Сюзон успевает добратся до двери, очередь распадается. Стоявшие в конце рвутся вперед; за ними остальные. Булочник захлопывает двери, прицелив руку какой-то женщине. Ужасный крик боли. Рассерженная толпа теснится у дверей. Вопли, крики, проклятия.

Постепенно становятся различимы отдельные голоса.

ПЕЧАТНИК (*показывает на неподвижных солдат*). Мы убиваем друг друга... А эти стоят тут, как истуканы, черт их дери!

Толпа несколько ослабляет натиск и обращается к солдатам, однако поначалу без агрессии.

ГОЛОСА (*с раздражением, но без злобы*). Ну, шевелитесь, шевелитесь – давайте! – И помогите нам, зачем вы здесь? – Революционная армия! – Только о переворотах и думают! – Набить бы вас, как чучела, и Венсанов ваших тоже! – Хоть бы пальцем кто пошевелил, что ли... – Скажите хоть, что нам делать?!

СОЛДАТ I. Идите по домам, живо!

Удивленный ропот, переходящий в бешеный рев. Толпа становится агрессивной, напирает на солдат, однако напасть не смеет.

КРИКИ. Они это нарочно! Им дали на лапу, чтоб нас не пускали! Прихвостни предателей!

Печатник замахивается на солдата, тот берет штык наизготовку. Пронзительный вопль ужаса. Толпа уворачивается от оружия, как голодный пес от кнута. Подалась чуть вперед – и ни шагу дальше. Стало потише, так как от гнева и страха голоса звучат глуше. Угрожающее промедление с обеих сторон.

КРИКИ. Со штыком на людей!.. Им Питт заплатил! – Скоты! – Свиньи! – Бандиты! – К черту все, я хочу хлеба! (*Женщина.*) Да отберите же у них эти вертела!

Отклика нет: безоружная толпа не знает, что предпринять.

ИНВАЛИД (*находит решение*). Высадить двери!!

Промедление мгновенно сменяется действием. Толпа изменяет направление к облегчению солдат, которые не пытаются защитить ее новую цель. Они даже демонстративно опускают оружие. Крики усиливаются.

КРИКИ (*все громче*). Ломай! – Там полно хлеба! – Это скупщик! – Вышибить! – Вышибить дверь!

Солдаты уступают дорогу, однако женщины кидаются к дверям и с воплями их обороняют.

ЖЕНЩИНЫ. Ну нет! Мы *тоже* хотим хлеба! – Не дождетесь! – Или всем, или никому! – Прочь отсюда! – Мы первые стояли! – Воры! – Бандиты!

Сбегается народ. В окнах показываются головы. Толпа в восторге, свист, крики, смех, вой. Подбадривающие выкрики, как на соревнованиях. Дети бросаются камнями.

Мужчины оттесняют визжащих женщин и всей тяжестью наваливаются на дверь.

МУЖЧИНЫ. Давай, ломай ее! Прочь, бабы!

Безудержный штурм. Внезапно, ex machina⁹, появляются три комиссара секции. Толпа замирает, только осада длится еще несколько секунд, так как штурмующие еще ничего не знают. Как только они замечают комиссаров, то застывают на месте. Полная тишина.

КОМИССАР I (в полной тишине, когда слышен каждый вздох, нарочито тихо). Что здесь происходит?

ХОР ГОЛОСОВ (наперебой). Хлеба... нету хлеба... произвол... уже три дня... спекулянты... *опять*... нарочно... предатели!.. ложь... семь буханок... забаррика...

КОМИССАР I (громовым голосом). Тихо! Говорите по-человечески!

Тишина. Потом членораздельные голоса.

ГОЛОСА. Опять только семь буханок! – Каждый день не хватает! – Он *обязан* впустить! – Права не имеет! – Двери захлопнул, скотина! У него полная лавка: это скупщик! (Ожесточеннее.) Да, скупщик! – Питт ему платит, и этим вот тоже! – Надо выломать двери! – Посмотрим, сколько он там припрятал! (Одобрение.) Выломать! – Двери выломать!

КОМИССАР I (перекрикивая шум). Кто еще раз скажет «выломать», будет арестован. (Тишина. Слабый, жалобный протест.) Раз есть семь буханок, их получают те, чья очередь подошла. (В конце первоначальной очереди снова робкий протест.) Кто должен был сейчас войти?

Вызываются все. Испуг. Смех.

КОМИССАР II (солдатам). А вы тут на что? Для украшения? Допускаете подобные скандалы?!

СОЛДАТ II. А мы что, виноваты, что у него там только семь буханок?

ПЕЧАТНИК (посреди ропота, вызванного бессильным гневом). Давайте поделимся, люди!

ГОЛОСА (внезапно оживившись). Что... поделить? – Поделить, говорит... – А что! Отличная идея! – Сколько нас? – Считайте! – Поделим! Поделим! – Восемнадцать. – Сколько там? – Двадцать три. – Семнадцать. – Не двигайтесь! – Двадцать один. – Да, двадцать один! Ровным счетом! (Протест.) Э, да на что мне ломоть-то... Мне нужна буханка! – Я с самого

⁹ Комитет общественного спасения.

рассвета жду! – Имею право на целый хлеб! – Никакой дележки! – Надо было раньше приходиться! – Думают, все только для них!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Ну, тогда никому ничего не достанется!

КОМИССАР I. Давайте, граждане: становитесь по трое, живее! Каждый получит по трети, а мы проинспектируем магазин.

Наступает относительное спокойствие, желающие уламливают несогласных. Шпик приблизился к Комиссарам I и II и что-то им нашептывает.

КОМИССАР III (пока Пекарь отпирает и впускает Печатника, Сюзон и Блондина). Пойду посмотрю. Но сомневаюсь, чтобы что-нибудь нашлось: он человек честный.

Заходит. Шпик удаляется в переулок и наблюдает оттуда. Комиссары становятся у дверей.

Печатник возвращается.

КОМИССАР II (кладет руку ему на плечо). Именем закона вы арестованы.

На улице воцаряется гробовая тишина. Печатник стоит как громом пораженный. Минута молчания.

ПЕЧАТНИК (вновь обретая дар речи). З-за-а что?

КОМИССАР II (толпе). Говорил ли он, что необходимо упразднить Конвент?

Всеобщее изумление. Мало-помалу толпа оживает.

ГОЛОСА. Нет... – Какое там! – Ну да, что-то такое говорил... – Нет: не «упразднить»! – Переверли! – Он сказал только – и не что нужно, а что стоило бы – да он только так, он и не думал... (Твердо.) Не говорил он про «упразднить»!

КОМИССАР II. Только как?

ФРАНТ. Вычистить!

Толпа раздражается непродолжительным смехом, который тут же стихает. Сюзон выходит и останавливается в дверях, испуганная.

КОМИССАР II. Разберемся. Возьмите хлеб, а документы отдайте мне. В комитете секции дело, уж конечно, прояснится. (Уходит с арестованным.)

Одновременно.

.....

РОПОТ (ужаса и гнева). Все этот шпик... увивался тут с самого рассвета... Везде их полно, как вшей... Вот видите, что я вам говорил? Видите, какими осторожными сегодня нужно быть?!

КОМИССАР I (Сюзон, которая делает шаг вперед). Вы тоже должны предъявить документы.

.....

СЮЗОН (*оцепенев*). Я?!..

КОМИССАР I. Да, именно вы.

СЮЗОН (*ошалело*). Но я ничего не... За что вы меня... (*Испускает вопль, который повергает толпу в полное молчание.*) Мать Божья, они отрубят мне голову!!

КОМИССАР I (*подозрительно*). Живее, гражданка. Документы. (*Берет у нее из рук хлеб, который мешал ей искать.*)

СЮЗОН. Но это для моих домашних!..

КОМИССАР I. Я только подержу. Найдите документы.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Что эта малышка натворила, комиссар?

КОМИССАР I. Говорят, она выказала такое волнение при виде осужденного эмигранта, что можно предположить, будто это ее любовник...

СЮЗОН (*как молодой петушок*). Что?!

КОМИССАР I. ... или родственник.

Люди в толпе переглядываются. Внезапный взрыв смеха.

ГОЛОСА. Она сказала, что он хорошенький, только и всего! – Ей жалко стало красивого парня, она ведь еще глупышка! – Для нее парень есть парень!

СЮЗОН. Ой, вот оно... А теперь меня за это убьют!

Веселье с удвоенной силой. Комиссар III выходит из лавки и наблюдает.

КОМИССАР I. Не убьют, нет – если только ты не собиралась установить в стране диктатуру. Кто-нибудь из вас ее знает?

ДОМОХОЗЯЙКА. Конечно! Это Сюзанна Феррюс, дочка цирюльника из двенадцатого дома!

ГОЛОСА (*развеселившись*). Отпустите ее! – Она ж уже собралась прямиком на эшафот!

КОМИССАР I (*сверившись с документом*). Да... (*Комиссару III.*) Как думаешь, что делать с этой пташкой? Отвести в секцию на допрос или сразу отпустить?

КОМИССАР III. Пусти ее. У нас нет времени на ерунду. Надо быть идиотом, чтобы поверить, будто аристократка станет в голос оплакивать своего сообщника на улице.

КОМИССАР I. Ну, гражданка, тогда идите.

Толпа выражает удовлетворение.

СЮЗОН (*смеется сквозь горькие слезы, делает реверанс*). Спасибо вам, граждане! (*Убегает*).

КОМИССАР I. Эй! Ваш хлеб! Возьмите ваш хлеб!

Всеобщий смех. Сюзон возвращается и забирает хлеб. Ей шутиливо мешают пройти.

(*Коллеге.*) Ну? Нашел что-нибудь?

КОМИССАР III. Абсолютно ничего. Я ведь знал наперед, что он не спекулянт.

КОМИССАР I (*ледяным тоном*). Эй, коллега! Остерегайся чрезмерного доверия к людям! Сейчас мы должны подозревать всех!..

КАРТИНА 2

Скромное жилище Робеспьера. Трибун сидит, терпеливо ожидая, пока парикмахер закончит с его волосами, и наслаждается предвесенним днем. Парикмахер посыпает готовую прическу пудрой, клиент подносит к лицу ручное зеркальце – несколько недоверчиво – и, посмотревшись в него, обнажает в улыбке белоснежные зубы.

РОБЕСПЬЕР. Это уж чересчур. Я похож на гигантский отцветший одуванчик.

ПАРИКМАХЕР. Это ваша обычная прическа. Вы просто с лица спали, потому, вероятно, и кажется...

РОБЕСПЬЕР. Может быть. Сделайте с этим что-нибудь. С такой головой меня невозможно воспринимать всерьез.

ПАРИКМАХЕР. Сегодня уже поздно. Завтра я приду еще. И то сказать, ни у кого из моих клиентов нет таких густых волос. Гребень в них так и утопает.

РОБЕСПЬЕР (*через несколько секунд*). Кстати о клиентах – у вас множество источников информации. Говорят, Верховный Судья снова искушает людей по ночам? Вы что-нибудь слышали?

ПАРИКМАХЕР (*в смущении*). Какой только ерунды не наслушаешься...

РОБЕСПЬЕР. Ну и что же? Может, это меня считают теперь тем таинственным существом?

ПАРИКМАХЕР. Боже сохрани! Нет, до *этого* еще не дошло...

РОБЕСПЬЕР (*уже энергичнее*). Итак?

ПАРИКМАХЕР. Говорят, ч-что... что Дантон.

Робеспьер цепенеет. Гнетущее молчание.

РОБЕСПЬЕР (*естественным, но слишком монотонным голосом*). Откуда вы...

ПАРИКМАХЕР (*все больше теряясь*). Простите, гражданин... не могу... то есть я предпочел бы... не...

РОБЕСПЬЕР (*равнодушно*). Хватит об этом. (*Негромкий стук.*) Войдите!

Входит Элеонора Дюпле, 25 лет. Останавливается в дверях.

Добрый день! Прошу извинить, что не встаю. Пожалуйста, заходите...

ЭЛЕОНОРА (*пожимает ему руку и садится*). Вы уже поднялись с постели? Не слишком ли рано?..

РОБЕСПЬЕР (*широко улыбнувшись*). Слишком рано... это после пяти-то недель! Да в такой день, как сегодня, поднялся бы и труп.

ЭЛЕОНОРА. Но земля все еще качается под ногами... не так ли?

РОБЕСПЬЕР. Немножко – но это лишь придает ей особую прелесть. Никак не могу насытиться этим блаженством – передвигаться свободно. Мускулы возвращаются к жизни... Нет ничего приятнее, чем жизнь, дорогая мадемуазель.

Парикмахер отступил на шаг и оглядывает свою работу.

ПАРИКМАХЕР. Ну что ж, по-моему, вы готовы.

Подает ему зеркало, которое Робеспьер опасливо отстраняет.

РОБЕСПЬЕР. Нет... лучше себя не видеть. Спасибо. Пожалуйста, приходите завтра в обычное время!

Парикмахер кланяется и уходит. Робеспьер поворачивается в кресле, облокачивается о ручку и, неопределенно улыбаясь, смотрит в глаза своей столь же неподвижной возлюбленной.

Внезапно он поднимается и протягивает ей руки.

Поздороваемся, львица.

Элеонора спокойно поднимается, они обнимают и целуют друг друга. Однако ей этого недостаточно, она медленно опускается на колени, скользя лицом и корпусом по плечу, груди, боку, обеим сторонам бедра своего друга. Он стоит, опираясь о стол, который от него довольно далеко, чтобы не потерять равновесия, когда она обхватывает его колени, изогнувшись назад в восхитительно неудобной позе. Он защищается – не слишком уверенно – левой рукой. Лишь когда ее руки оказываются ниже бедер, он с трудом и несколько судорожно переводит дыхание и серьезно просит.

Ах, Лео... Перестань.

Она, конечно, делает вид, будто не слышит. Тише и настойчивей.

Перестань... перестань.

Отталкивает ее правой рукой. Когда она поднимается, он беспокойно потягивается всем телом. Встряхивает головой, будто желая смахнуть что-то с волос. Носком ноги чертит круги на полу.

ЭЛЕОНОРА (*садится. Весело, но со скрытой горечью*). И впрямь. Я нарушила твои правила.

РОБЕСПЬЕР (*удивленно вскидывает голову*). Мои правила... ты?!

ЭЛЕОНОРА. Одно из них, во всяком случае, ты накрепко вбил мне в голову: «Любое проявление любви при свете дня – бестактность в самом дурном вкусе».

РОБЕСПЬЕР (*садится*). Эти агрессивные правила человека действия – как они чужды теперь той мокрой курице, в какую я превратился!

ЭЛЕОНОРА. Слава Богу. Вот мы уже и коготки начали оттачивать... Чтобы опробовать на самом себе. (*Присматривается к нему*.) Так и есть: ты здоров. Жаль.

РОБЕСПЬЕР. Ну знаешь...

ЭЛЕОНОРА (*деликатно пожимает плечами*). Ничего не попишешь, любимый: я была счастлива благодаря твоим страданиям. Ты корчился в лапах малярии – зато ты был моим не то что по целым часам, а день и ночь напролет. Болезнь тебя даже не испортила: это выражение трагической пассивности было тебе очень к лицу. Я сидела и заучивала твои черты наизусть. Я не ухаживала за тобой – я не твоя жена. Впрочем, все обошлось благополучно! В руках матушки ты был в безопасности.

РОБЕСПЬЕР (*задумчиво вглядывается в нее*). Если бы я только мог поверить в этот твой стальной эгоизм, львица...

ЭЛЕОНОРА. Друг мой, любовь – не благотворительность.

РОБЕСПЬЕР (*лукаво, спустя несколько секунд*). А дети, dearest?..¹⁰

ЭЛЕОНОРА (*удивленно*). Дети? (*Изогнув уголки губ.*) Милый мой, зачем же мне карьера, когда у меня есть оригинал? Пускай природа устраивает себе инкубаторы в других телах – неспособных к счастью.

РОБЕСПЬЕР (*в наивном удивлении*). Счастью?.. Ах, два года тому назад – пожалуй! (*Асимметрично кривя губы.*) И правда... наши тогдашние вечера... и ночи... Наши идиллические планы – Great God!¹¹ Тогда я полагал, будто можно исполнить свою часть революционной работы за год-другой, а потом вернуться домой! Лео, те времена *прошли*!

ЭЛЕОНОРА. В сравнении с сегодняшним днем тогда я была бедна.

РОБЕСПЬЕР. Тогда я любил тебя. А сегодня ты для меня как снотворное средство.

ЭЛЕОНОРА. Знаю.

РОБЕСПЬЕР. Дитя, ты лжешь! Тем хуже, если и самой себе тоже! Природа ухватила в тебе за пустую надежду, и ради этой лжи ты губишь свою драгоценную жизнь самым что ни на есть ужасным образом!

Лео, революция продлится два столетия. Я *никогда* не буду свободен, понимаешь? Никогда. Непрерывная череда дней все более тяжелого труда по двадцать четыре часа в сутки, и так до самой смерти. Сейчас мне тридцать пять... и пяти лет не пройдет, как я превращусь в развалину – ни дать ни взять поистаскавшийся пятидесятилетний распутник!

ЭЛЕОНОРА. И что же с того, мой единственный? Пока я могу видеть тебя, пусть даже мимоходом, ты наполняешь мою жизнь невыразимой радостью. Если ты оставишь меня – я ведь смогу каждый день видеть тебя с галереи Конвента или клуба.

РОБЕСПЬЕР. Женщина, неужели ты не чувствуешь, как *унизительно* для тебя подобное рабство?! Послушай, революция поглощает не только все мое время, но и все мое существо. Сегодня у меня нет больше личной жизни. Я перестаю быть человеком: человеческая восприимчивость, человеческие чувства, желания – все это постепенно вянет и опадает среди этого накала предельного напряжения. Я превращаюсь в обезличенный, чудовищно разросшийся, распаленный мозг. Сегодня я вижу, что со мной творится, потому что у меня есть время... и мне даже не по себе. Дитя, я больше не люблю тебя. Ты мне в буквальном смысле *безразлична*! Сама посуди: теперь наша единственная возможность провести несколько минут вместе – в горячечных спазмах моей похоти, спазмах, представляющих собой гнусную пытку, следствие зверского изнеможения. Знаешь ли ты, Лео, что мне абсолютно все равно, кто избавляет меня от этих мучений? Знаешь ли, что иной раз тебя заменяет первая попавшаяся девка... и что для меня нет никакой разницы? А если я и прихожу к тебе, то лишь потому, что мне недостает сил пройти несколько улиц и избавить тебя по крайней мере от *этого* унижения?.. Лео, дорогая, ведь это один срам! Превозмоги себя, пусть это и тяжело, – и вырвись, наконец, на свободу!

ЭЛЕОНОРА (*с легким вздохом*). Не трать сил, carino!¹² Разве это твоя вина, что судьба предоставила меня тебе в пользование?

Робеспьер хмурит брови. Она слабо улыбается.

Что тебя огорчает? Затем я и здесь, чтобы тебе, усталому, не приходилось блуждать по городу и чтобы уберечь тебя от заражения. Я тебя шокирую? Нет, нет, chéri!¹³ даже если бы

¹⁰ Дражайшая (*англ.*).

¹¹ Боже милостивый! (*англ.*)

¹² Милый (*ит.*).

¹³ Дорогой (*фр.*).

ты выбрал слова еще более жестокие, тебе не изменить того естественного факта, что я твоя собственность. Что бы от тебя ни исходило – для меня в этом смысл жизни, а не позор.

РОБЕСПЬЕР (*чуть погодя*). Мне стыдно за тебя.

ЭЛЕОНОРА. Ты преувеличиваешь.

Вдруг хватает его руку и целует ее. В ответ Робеспьер внезапно наклоняется, берет ее голову и целует ее в губы, жадно и продолжительно.

РОБЕСПЬЕР (*проникновенно*). Да, друг мой, мне за тебя стыдно, это факт. Но в то же время я не могу не ощущать твоего совершенства... Сегодня, после пяти недель передышки, человек во мне предпринимает робкую попытку пробудиться. Через две недели... ты вновь станешь для меня всего лишь женским телом... под рукой. Ах, и счастливы же вы, частные люди!.. И до чего жаль тебя, Лео!

ЭЛЕОНОРА. Но эти две недели, Максим, – их ты мне дашь! Ты сам сказал!

РОБЕСПЬЕР (*глядя в окно*). Две недели... побыть свободным человеком. Две недели... четырнадцать дней... быть этим глупым самым собой, не отвечающим ни за что в целом свете... да еще в это божественное время года...

Увы, об этом нечего и думать. Но четыре дня – гарантирую, слово чести.

Вынимает пилку, подставку и прочие принадлежности и начинает со знанием дела подпиливать ногти.

ЭЛЕОНОРА (*почти испуганно*). Как... ты полагаешь, что поправишься за четыре дня?

РОБЕСПЬЕР. Я уже и так в порядке. Однако – я маниакально жажду *вашей* жизни. Болезненно – как пьяница, которому отказано в спиртном...

Раздается стук. Он встает и идет к двери.

ГОЛОС (*подростка, который подает корреспонденцию из-за двери*). Письма для вас. Вот депеша из Комитета безопасности.

Забыв обо всем, Робеспьер нетерпеливо перебирает письма, стоя у стола. Наконец он вскрывает депешу.

ЭЛЕОНОРА (*озабоченно, робко*). Максим, ска...

РОБЕСПЬЕР. Тс-с-с, подожди...

ЭЛЕОНОРА (*полупрошептом*). Вот змея!

РОБЕСПЬЕР (*музыкально насвистывает хроматическую гамму. Читает еще несколько слов; энергично тряхнув головой*). Мои каникулы окончены, Лео.

Элеонора опускает глаза и медленно отворачивается к окну.

(*Говорит и читает одновременно.*) Через полчаса... я должен быть в Комитете... (*Ненадолго поднимая глаза от бумаг.*) И принеси мне, пожалуйста, чашку кофе. Если хлеба нет, то ничего страшного.

ЭЛЕОНОРА. Сию минуту.

Робеспьер поднимает глаза и с несколько печальной улыбкой наблюдает за ней, покуда она не скрывается за дверью. Тогда он садится и погружается в размышления, глядя в стену

перед собой. Его лицо застывает. Стук в дверь, словно бы отбивающий ритм. Получив односложный ответ, входит Сен-Жюст.

СЕН-ЖЮСТ. Ты пришел в себя – даже встал. Это очень кстати. (*Садится, не спрашивая позволения. Робеспьер снова берется за пилку.*) Ты получил признание Энделя?¹⁴

РОБЕСПЬЕР (*не отрываясь от своего занятия, взглядом указывает на депешу*). А как же. Только что.

СЕН-ЖЮСТ. Теперь ты видишь, что я был прав? Если бы ты развязал мне руки неделю назад, то сегодня все было бы спокойно. А теперь одному Богу известно, что будет дальше.

РОБЕСПЬЕР. Ничего не случилось и не случится. Это всего лишь эбертисты.

СЕН-ЖЮСТ (*откидываясь*). Всего лишь!..

РОБЕСПЬЕР. Всего лишь. Холостные мины безвредны, даже если и норовят поднять Париж на воздух. Мы распустим Революционную армию, а Венсана посадим в тюрьму. Voilà tout¹⁵.

Молчание. Сен-Жюст критически изучает его.

СЕН-ЖЮСТ. Максим, до сих пор я воздерживался от расспросов, однако ты начинаешь меня тревожить. Откуда эта сомнительная склонность к полу- и четвертьмерам – у *тебя*?!

РОБЕСПЬЕР. Мое отвращение к кровопролитию, хочешь сказать? Мальчик мой, это все потому, что мы оказались на грани террора. Мы вынуждены уничтожать фальшивомонетчиков, спекулянтов, предателей. И если не удерживать этого ужасного средства под контролем, не препятствовать его тенденции к усугублению, то каждый новый шаг будет шагом к катастрофе.

СЕН-ЖЮСТ. Но что, если нет иного средства внутренней обороны?

РОБЕСПЬЕР. Если нет – дело плохо. Однако этот школяр Венсан, во-первых, не опасен, а во-вторых, он деятель революции или был им. Это значит, что для некоторой части населения он – вождь. Осуждать же и попусту губить вождей, друг мой, – значит подавлять революцию в самом корне ее бытия: в человеческих душах. Ведь тогда люди *утрачивают веру*. Советую тебе призадуматься над этими двумя словами.

СЕН-ЖЮСТ (*немного погодя*). Если бы речь шла, скажем, о Колло... но Венсан! За ним пойдут в худшем случае несколько десятков авантюристов.

РОБЕСПЬЕР. Довольно, если сомнение завладеет и несколькими десятками душ. Ведь сомнение распространяется как чума. Вера – пробуждение человеческой души в трудящемся животном – огонек слабый. Если мы не будем беречь ее как зеницу ока, то рискуем дожить до дня, когда разочарованная Франция единогласно потребует возврата к рабству, дававшему хлеб. И что же тогда, Сен-Жюст? (*Откладывает пилку и смотрит на друга с кривой, асимметричной улыбкой.*) Можешь ли ты вообразить себе французский народ, принуждаемый к свободе пушками революционного правительства?..

СЕН-ЖЮСТ (*помолчав*). Громкие выводы, висящие на волоске. Ради грядущего века нельзя жертвовать завтрашним днем.

РОБЕСПЬЕР (*внезапно подперев голову обеими руками, как будто она стала тяжелее*). Банальности порой... ослепляют.

Входит Элеонора, неся завтрак. Она дружески приветствует Сен-Жюста. Робеспьер встает и помогает ей накрыть на стол.

¹⁴ Эндель (Гайндель) – офицер германского легиона.

¹⁵ Вот и все (*фр.*).

Сердечное тебе спасибо... как, настоящий хлеб?! Любимица богов, будь же благословенна! Антуан, сахара, конечно, нет – могу ли я угостить тебя этим дегтем?

СЕН-ЖЮСТ. Буду признателен. Я не спал; я утомлен и зол.

Элеонора уходит.

РОБЕСПЬЕР (*наливая кофе*). Все равно, Сен-Жюст. В *этом* случае благо Республики не требует человеческих жертв. Не будем терять чувства меры.

СЕН-ЖЮСТ (*пока Робеспьер режет хлеб, задумчиво делает несколько глотков, потом опирается о подлокотники*). Итак, позволь мне дополнить информацию Энделя двумя мелкими фактами. Во-первых: ходят весьма правдоподобные слухи, будто у Демулена готов новый номер – это был бы седьмой, – в котором он открыто призывает всех и каждого к восстанию против Комитетов. Во-вторых: вот уже три дня в Париже шепчутся о скором перевороте и о диктатуре Верховного Судьи как о чем-то... возможном.

И ты помнишь, не так ли, что изначального Верховного Судью – которым должен был стать Паш – торжественно осмеяли целым городом.

Sapienti sat¹⁶.

РОБЕСПЬЕР (*уже при первом открытии внезапно отложил буханку и нож. Стоит, выпрямившись, держа руки на столе; брови слегка нахмурены. Резко*). Кто на сей раз?..

СЕН-ЖЮСТ. Никто не произносит имени. Стало быть...

¹⁶ Мудрому достаточно (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.